
Ф. Х. КЕССИДИ

О «ГРЕЧЕСКОМ ЧУДЕ» И МЕНТАЛИТЕТЕ ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Предварительные замечания. Необычайно мощный духовный заряд, заложенный в культуре древних греков, составил фундамент всей (за исключением средневековья) европейской культуры. Эпоха Возрождения знаменовала собой своеобразное восстановление античных идеалов. Эти идеалы свободы, верховенства разума и ценности личности, оказав влияние на Новое время, сохранили его и в современном мире (чего нельзя сказать относительно других древних цивилизаций – Египта, Китая, Индии и т. д.).

И по сей день репертуар многих театров мира включает произведения античных трагиков; Парфенон и поныне поражает своей красотой, гармонией и величием. По словам английского философа и математика А. Уайтхеда (Whitehead), современная европейская философия представляет собой «ряд подстрочных примечаний к Платону». Согласно же Энгельсу, «... мы вынуждены будем в философии, как и во многих других областях, возвращаться постоянно к подвигам того маленького народа, универсальная одаренность и деятельность которого обеспечила ему такое место в истории развития человечества, на которое не может претендовать ни один другой народ» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 167*).

Наконец, напомним, что афинское государство, свободное население которого составляло не более 200 тыс. человек, только за одно V столетие до н. э. дало человечеству таких вечных «спутников» его истории и культуры, как Сократ, Платон, Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, Фидий, Фукидид, Фемистокл, Перикл, Ксенофонт. Этот феномен Эрнест Ренан назвал «греческим чудом».

«ГРЕЧЕСКОЕ ЧУДО» КАК ПРОЯВЛЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА ДРЕВНИХ ГРЕКОВ

Менталитет, ментальность – это тип, способ мышления и духовная настроенность, склад ума и характера, присущие отдельному человеку или общественной группе – роду, племени, этносу.

Менталитет древних греков, обусловивший уникальный в истории человечества феномен («греческое чудо»), предполагает прежде всего осмысление его истории. Или, говоря в духе Аристотеля (*Политика*, 1, 2), чтобы понять предмет, надо рассмотреть его в развитии, проследить его становление. История становления менталитета, точнее, типа, способа мышления древних греков – это переход от «мифоса» к «логосу», от психически бессознательного к сознательному, от пралогического мышления к логическому. Этот переход – тема большая и самостоятельная. Ей посвящено мое исследование «От мифа к логосу» (М., 1972; готовится к печати переработанное и дополненное издание). Здесь по необходимости ограничусь лишь общей схемой становления логического мышления.

Миф, свойственный сознанию первобытного рода, родовому коллективу, не проводит различия между общим (коллективным) и индивидуальным, вернее индивидуальное поглощено коллективным (сложившимся в первобытном роде коллективным представлениям, т. е. верованиям, обычаям, нормам поведения, различного рода табу и т. п.). Одной из особенностей мифа как чувственного представления является отождествление образа вещи и самой вещи, воображаемого и реального, идеального и материального, слова и дела. Для мифосознания сказанное существует, а несказанное не существует.

Миф синкретичен: в нем как бы слиты чувства, грезы, фантазии; сказочное, образное и логическое мышление. В сфере коллективных представлений мифосознание не соблюдает законов логики, безразлично к ним и, так сказать, равнодушно к главному закону мышления – закону противоречия.

В процессе исторического развития первобытный родовой коллектив сменяется племенем, в котором коллективные представления преобладают над индивидуальными, но не исключают их. Иначе говоря, на исторической арене появляется индивидуальность, элементы личностного начала, моменты личной инициативы, личного выбора. В соответствии с этим происходит постепенное отделение от мифа образного (художественного) мышления, знаменующее собой появление сказки и эпоса.

В отличие от мифологического отождествления разнородных явлений, эпос, уподобляя, сравнивая и проводя аналогию между различными предметами, явлениями и процессами, осознает их различие. Это осознание означает также выделение (или отделение) логического мышления из мифосознания. На стадии эпоса художественное (образное) постижение мира и человека посредством сравнений и аналогий тесно переплетено с логическим мышлением. Однако в эпическом мировосприятии образное мышление преобладает над логическим. Кроме того, образ пронизан сильными чувствами и эмоциями. Отсюда и эмоционально нагруженные слова, с которых начинается «Илиада» Гомера – выдающийся памятник эпического повествования: «Гнев, богиня, воспой Ахиллеса...»

Сказанное относительно преобладания в эпосе образного мышления над логическим означает, что правополушарная активность головного мозга у Гомера и его современников – участников Троянской войны – была более развита, чем левополушарная. Правда, древние греки времен Гомера (если не сказать, изначально) были ориентированы на разум, логику, пусть и в условиях приоритета образного мышления. Обращает на себя внимание следующий факт: один из персонажей Гомера, указывая на сложную ситуацию, в которой оказались воины во время битвы, говорит: «Может быть, разум поможет?» (*Илиада*, XIV, 62).

Свержение власти родовой аристократии и торжество демократии (V в. до н. э.) сопровождалось редко наблюдаемым в истории развитием как логически-рационального,

так и образно-художественного мышления у древних греков, особенно афинян. Отсюда и поразительный расцвет их философии, художественного творчества и ораторского искусства. Афинский оратор Исократ (Панегирик, 47–50) говорит: «Наш город так опередил других в искусстве мыслить и выражать свои мысли, что его ученики стали учителями других, а само имя элина становится уже обозначением не происхождения, но культуры» (*Вестник древней истории. 1965. № 4. С. 221–222*). Надгробная речь Перикла, переданная Фукидидом (II, 35–44), – это жемчужина греческой ораторской прозы. Она «усыпана» контрастами слов, фраз и мыслей. Да и в самом греческом языке противопоставление с помощью частиц $\mu\epsilon\ \sigma\iota\ \nu\ \delta\epsilon\ \sigma\iota\ \sigma\iota$ – одно из лучших средств придания мысли точности и выразительности, ясности и симметричности.

Ораторское искусство, в котором совмещаются и взаимодействуют оба типа мышления (образное и логическое), позволяло одновременно оказывать влияние как на чувства, так и на разум сограждан полисов. Неудивительно, что искусство владения словом, мастерство публичных выступлений в V в. до н. э. становятся в демократических полисах главным средством политического влияния и власти. Риторика объявляется «царицей всех искусств», появляются учителя, обучающие желающих, особенно молодежь, мастерству владения словом и политическому образованию.

Итак, «универсальная одаренность» древних греков, говоря словами Ф. Энгельса, состояла в том, что оба типа мышления в условиях античной демократии получили исключительное развитие. Этот факт, повторяем, – один из исключительных моментов в истории человечества. В личности Платона, олицетворяющего греческий гений, совмещаются (и взаимодействуют) поэт и мыслитель, политик и умозрительный философ, родоначальник «идеального» государства – прообраза всех последующих утопий, вплоть до коммунистической. Платон – несравненный стилист и тонкий диалектик, виртуозно оперирующий понятиями.

Обращает на себя внимание и тот факт, что древние греки называли мир, вселенную «космосом» (буквально «украшение», «наряд»), упорядоченным строем вещей. В космосе каждая вещь имеет свое место и назначение. Иначе говоря, космос гармоничен и целесообразен. Более того, он божествен, одушевлен и бессмертен. В лоне постоянного и вечного космоса происходит процесс возникновения одних вещей и исчезновения других. Сообразно с этим в греческой философии сложилась традиция отличать истину (ἀληθία) от мнения (δόξα), а также делить науки на те, предметом которых является вечное и непреходящее, и на те, которые изучают все временное и преходящее. Первые основаны на разуме, вторые – преимущественно на чувственных данных и рассудке. С этой точки зрения, философия, предметом которой является вечное и непреходящее, – высшая из наук. Отсюда следует, что теоретическая (умозрительная, созерцательная) деятельность выше практической (созидательной, производственной), т. е. знание ради самого знания выше любого другого знания, связанного с производственной деятельностью, извлечением пользы. Хотя, таким образом, от философии непосредственной пользы нет, она, изучая всеобщее и вечное, определяет место и назначение человека в мире, позволяет сделать осмысленным выбор образа жизни и деятельности.

ЭТНОПСИХОТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ «ГРЕЧЕСКОГО ЧУДА»

Ориентация на теоретическую деятельность, созерцательную жизнь (βίος θεωρητικός), возвышая человека, наиболее отвечает его природе, т. е. разуму и этическому облику. Согласно Аристотелю, преимущественно на этом фундаменте человек развивает свои лучшие природные способности – ум, мудрость (*Никомахова этика*, X, 7, 1177a15). Очевидно, что древние греки занимались науками и высшей формой умозрения – философией ради знания как такового, ради, так сказать, потребности души. Говоря словами героя Ф. М. Достоевского Ивана Карамазова, им

«не надобно было миллионов, а надобно мысль разрешить». Ставя духовные потребности выше материальных, в быту (еде, одежде, жилище и даже в украшениях) греки отличались простотой и умеренностью. По язвительному замечанию Гераклита, «если бы счастье заключалось в телесных удовольствиях, мы бы назвали счастливыми быков, когда они находят корм для еды».

Менталитет древних греков не ограничивается рассмотренными нами типами мышления и ориентацией на βίος θεωρητικός, но предполагает также психический склад, духовный настрой, словом, характер как отдельного человека, так и исторически сложившейся большой группы людей. Опять вспоминается изречение древнего Гераклита, гласящее: «Характер человека – его демон [судьба]», ηθοζανθρωποι δαίμων. Развивая мысль эфесца, можно предположить, что историческая судьба и достижения того или иного народа (этноса) в значительной (если не в решающей) степени определяются, при прочих равных условиях, его характером, психическим складом. Эту гипотезу мы попытались обосновать в своей статье «К проблеме «греческого чуда».

Основные положения статьи, которых автор этих строк придерживается и поныне, сводятся к следующему: во всей истории человечества, пожалуй, не было и нет народа, более проникнутого агональным (сопоставительным, соревновательным) духом во имя стяжания славы, чем древние греки. Состязательность пронизывала практически всю их жизнь и деятельность, будь то публичные обсуждения принимаемых в народном собрании решений, Олимпийские игры, театральные постановки или судебные тяжбы. Даже их боги состязаются. Более того, согласно греческой мифологии, наблюдаемый миропорядок возник в результате победы Зевса над Кроном, а затем – над титанами. Установка на агон (αγων) четко обозначена в гомеровском эпосе, родо-племенном периоде греческой истории. «Всегда первенствовать и превосходить других», – читаем мы в «Илиаде»

(VI, 203) Гомера. Общеизвестно, что слава Мильтиада не давала спать честолюбивому Фемистоклу. Философ Гераклит, объявив борьбу источником всего происходящего, сказал, что «лучшие люди одно предпочитают всему: вечную славу тленным вещам». А его согражданин Герострат, горя желанием приобрести известность, поджег (в 356 г. до н. э.) храм Артемиды Эфесской (одно из семи «чудес света»).

В своей «Истории» (IX, 72) Геродот счел необходимым упомянуть о некоем спартанце по имени Калликрат, который был признан прекраснейшим из эллинов, участвовавших в сражении при Платеях (479 г. до н. э.). Смертельно раненный персидской стрелой еще до начала боя, умирающий Калликрат больше всего сожалел, что не сумел «совершить какой-либо подвиг», к чему он так стремился. Вообще говоря, только грекам, которые ценили красоту столь же высоко, сколь и мудрость, справедливость и отвагу, могло прийти в голову перед решающим сражением с неприятелем выяснять, у кого из них самая привлекательная наружность. (Можно сказать, что конкурсы красоты, проводимые в наши дни, восходят к мифу о Парисе, который должен был вручить пресловутое «яблоко раздора» прекраснейшей из главных богинь Олимпа – Гере, Афине или Афродите).

Приводя пример с Калликратом, выдающийся русский историк Ю. В. Андреев пишет, что «соседние варвары смотрели на греков», которые, где бы ни появлялись, устраивали атлетические и другие состязания, как на «странную породу то ли безумцев, то ли взрослых детей, помешавшихся на состязаниях» (*Андреев. Цена свободы и гармонии. Спб., 1998. С. 188*). Историк отмечает также, что когда один из персидских вельмож высказал мудрую мысль о том, что «греков невозможно победить, так как они состязаются не ради денег, а ради доблести», то царь персов Ксеркс истолковал это высказывание как признак трусости (*см. там же*).

Для древних греков славное имя (οὐνομα καὶ κλέος, μεῖγα οὐνομα) было нетленным, непреходящим; славное

имя превосходит всякую материальную награду. Согласно легенде, когда Фалеса из Милета спросили, какой награды он желал бы за свое математическое открытие, он заявил, что самой большой наградой для него было бы сохранение в памяти поколений именно его имени как автора этого открытия, а не кого-либо другого.

Бесспорно, свойственный грекам дух соперничества и стремления к славе, перенесенный в интеллектуальную и духовную сферу, требовал огромного напряжения духовных и физических сил. Это обстоятельство и способствовало достижению многих выдающихся результатов в различных областях творческой деятельности, особенно в философии, литературе и искусстве. Однако, призывая соблюдать «меру во всем» ($\mu\eta\delta\epsilon\ \nu\ \alpha\ \gamma\alpha\nu$), сами греки редко придерживались этого мудрого правила. Читая древнегреческих историков, в частности Фукидида, трудно отделаться от впечатления, что жизнь древнегреческих полисов – это ожесточенная борьба партий, доходящая порой до открытых столкновений, и почти непрекращающиеся раздоры и войны за свою независимость (автаркию), которую каждый из полисов ставил выше всех общенациональных интересов.

В отличие от древних римлян, древние греки – народ гражданской общины, но не государственный в собственном смысле слова. Поразительно, но этот талантливейший из народов хладнокровно себя истреблял в процессе соперничества партий и государств. Дух соперничества, стимулируя к активной деятельности и творческим поискам, являлся не только созидательным началом, но и разрушительным. Злосчастная Пелопоннесская война, явившаяся, по пророческим словам Фукидида, великим бедствием для всех эллинов, – печальный тому пример. Спартанский царь Агеселай II (ок. 444–360 гг. до н. э.) говорил: «Бедная Греция! Ты столько погубила своих, сколько хватило бы победить всех варваров». По мнению историка Геродиана, старинная болезнь греков – «любовь к несогласию» – погубила Элладу.

«Состязание в речах», говоря словами Платона, борьба мнений и свобода критики составили ту духовную атмосферу, в которой родились греческая философия и наука, в частности диалектика как искусство доказывать и опровергать какой-либо тезис. В самом деле, диалектика – оригинальный продукт греческой национальной культуры. Метафизическим фундаментом тезиса о том, что «в споре познается истина», явилась высокая оценка греками свободы как ни с чем не сравнимого дара и уверенности в том, что свободный человек может добиться счастья в рамках возможного собственными усилиями. Внешним выражением внутренней свободы греков явилась их демократия. На демократическом пути развития они достигли таких успехов в различных сферах жизни и творчества, которые оказались неподвластными закону смерти. Демократическая парадигма греков вдохновляла людей в период Возрождения и последующие периоды европейской (и не только европейской) истории. Она и поныне вселяет уверенность в человеческие возможности.